

ir aukščiau minėtų formų *kirpu*, *pirku* (*riñkti* – *reñka* – *riñko* → *riñkti* – *riñka* – *riñko*). Dabartinėse rytų aukštaičių tarmėse, kuriose mišrieji dvigarsiai *em*, *en* pagal fonetinį dėsnį verčiami *im*, *in*, vartojamos tiktais formas *kemšù*, *kremtiù*, *lendù*, *renkù*, *slenkù*. Tokio tipo formą randame ir K. Sirvydo „Punktų sakymu“ II dalyje: *prirenkamia* „prirenkame“ 172.

О ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ *kerpu* || *kirpu*

Резюме

В некоторых древнеписьменных памятниках литовского языка — у К. Сирвидаса, М. Даукши — наряду с формами настоящего времени типа *kerpi* „стригу“ встречаются и формы типа *kirpi*. Из числа современных говоров литовского языка формы типа *kirpi* употребляются только в Зетельском (БССР, Дятловский р-он). Данное явление характерно также и для латышского языка, ср. *cērpi* „стригу“ и диал. *cirpi*. Оно объясняется унификацированием вокализма корня во всех основных формах некоторых глаголов, ср. *kiūpti* „стричь“—*kerpi* „стригу“—*kirpāi* — „я стриг“ → *kiūpti* — *kirpū* — *kirpāi*.

На основе вышеупомянутых параллелей (*kerpu*||*kirpu*) можно предполагать, что и формы К. Сирвидаса *krimta* „он грызёт“, *linda* „он лезет“, *rinku* „собираю“ и др., употребляемые вместо *kremta*, *lenda*, *renku*, являются результатом не фонетического (как, скажем, *pimpe* от *petrē* „чибис“), а морфологического изменения: *riñkti* „собирать“ — *reñka* „собирает“ — *riñko* „он собирал“ → *riñkti* — *riñka* — *riñko*. В настоящее время в восточноакашттайтских говорах, в которых дифтонгические сочетания *em*, *en* из-за фонетических причин закономерно превращаются в *im*, *in*, употребляются формы настоящего времени *kremta*, *lenda*, *reñka*. Одну форму данного типа находим и у К. Сирвидаса (*prirenkamia* „набираем“ SP II 172).